

Народный профессор

Пракаш Лунгани представляет
Джозефа Стиглица

В СТАТЬЕ еженедельника *Newsweek* в этом году Джозеф Стиглиц назван «человеком, который находит наименьшее понимание в Америке». Лауреат Нобелевской премии 2001 года по экономике «не пользуется уважением у себя на родине», — пишет журнал, добавив, что «в Вашингтоне его считают всего лишь одним из критиков-экономистов, которому к тому же не всегда рады». За пределами его родины, Соединенных Штатов, Стиглица воспринимают совсем по-другому: во многих странах его считают оракулом. К счастью, шутит Стиглиц, он проводит довольно много времени в эти дни за пределами Соединенных Штатов. «У меня настолько толстый паспорт, что иногда меня спрашивают, настоящий ли он».

Стиглиц не удивляет то, что он непопулярен в Вашингтоне. Он объясняет это тем, что он всегда встает на сторону «простого человека» против финансовой элиты и ее сторонников. Это тема, которая проходит через все его труды. Научная работа, принесшая ему Нобелевскую премию, посвящена случаям, в которых объем информации, которой располагает одна сторона сделки, намного меньше, чем объем информации в распоряжении другой стороны. Это приводит к рыночным

результатам, которые часто заведомо несправедливы. Когда он занялся разработкой экономической политики в 1990-х годах, — сначала в Совете экономических советников (СЭС) президента Клинтона, а затем на посту главного экономиста Всемирного банка, — он продолжал бороться с «адвокатами, инвестиционными банкирами и экономическими сверхдержавами», чтобы отстаивать интересы «гражданина мира». Как писал Джонатан Чейт в *The American Prospect* десять лет назад, Стиглиц «остаётся профессором, а не игроком ... И тем не менее, каким-то образом вопросы, которые его больше всего волнуют, почти всегда оказываются на повестке дня».

Раввин Джо

Стиглиц вырос в Гэри, штат Индиана, родном городе Пола Самуэльсона, другого лауреата Нобелевской премии. С раннего детства его учили в семье, что нужно всегда поступать правильно. Его мать, будучи белой учительницей, работала в средней школе, где учились преимущественно черные дети. Его отец объяснил ему моральное и юридическое значение оплаты социального страхования домашней прислуги — Стиглиц говорит, что слова отца, к которым он прислушивался, «избавили

меня от массы неприятностей, когда Сенат утверждал мою кандидатуру» на пост председателя СЭС. И он с любовью вспоминает дядю, который, несмотря на то что тот успешно занимался бизнесом, критиковал президента Кеннеди за чересчур антипрофсоюзную позицию.

Согласно проведенному в средней школе тесту на определение типа личности, Стиглиц стал бы хорошим раввином. Он не идет по этому пути, но, поступив в Амхерстский колледж, быстро завоевывает репутацию грозного участника дебатов и исследователя. Затем он принимает судьбоносное решение перейти от изучения физики к изучению экономики, дисциплины, в которой вскоре стал очевиден его недюжинный талант. Барри Нейлбафф, профессор Йельского университета и коллега Стиглица, говорит: «Как раввин Гилель, Джо может объяснить суть экономической теории в двух словах, а все остальное — это комментарий».

Осознавая способности Стиглица, его профессор посоветовали ему оставить Амхерст после третьего курса и начать обучение в аспирантуре в другом университете, но при этом были очень расстроены его уходом. «Честно говоря, наблюдать за уходом Стиглица было равносильно наблюдению за потерей собственной правой руки», — писал

один из них. Однако в Массачусетском технологическом институте (МТИ) его появлению в качестве студента были очень рады. Приемная комиссия института отправила его данные на экономический факультет с вопросом, каким должен быть размер его стипендии, перечислив варианты от нуля до 12 000 долларов. Профессор, оценивавший заявление Стиглица, сделал пометку на папке: «Предложите ему зарплату декана факультета».

Научные работы

Через несколько недель после прибытия в Массачусетский технологический институт он уже подготовил свою первую научную работу. В работе Стиглица 1965 года — а ему тогда было 22 года — он оспаривает утверждение Карла Маркса, согласно которому европейские страны нуждались в колониях как рынках сбыта товаров производства. Стиглиц утверждал, что колонии имели более важное значение как инвестиционный потенциал, без которого у предпринимателей иссякли бы возможности получения высоких доходов у себя в стране. Колонизация была методом обеспечения безопасности имущественных прав, связанных с этими иностранными инвестициями. И, что еще важнее, колонизатор мог определять профиль инвестиций колонии, с тем чтобы она не конкурировала с отечественной промышленностью — Англия, например, не разрешала Индии делать капиталовложения в текстильную промышленность. Так, на раннем этапе проявилось сочувствие Стиглица народам, ущемленным в их экономических интересах, чем объясняется то,

«Стиглиц продолжает быть профессором, а не игроком ... И тем не менее, каким-то образом вопросы, которые его больше всего волнуют, почти всегда оказываются на повестке дня».

что сегодня он осуждает сельскохозяйственные субсидии в богатых странах, которые получают их богатые фермеры и которые сдерживают конкуренцию со стороны бедных фермеров во всем мире.

В 1960-х годах МТИ был центром революции в экономической теории. «Факультет поставил математику, а не философию или идеологию, в центр анализа экономической политики, — говорит Стиглиц, — но стремился наладить взаимодействие тщательно построенных математических моделей и практических проблем в мире экономики». Стиглиц добился настолько высоких успехов, что МТИ предложил ему работу сразу по окончании института. При этом должность была связана с определенными условиями. Стиглиц должен был согласиться спать на квартире, а не в своем кабинете (в МТИ хотели увидеть договор об аренде квартиры как доказательство того, что у него была квартира) и больше не ходить без обуви по кабинету. МТИ не смог надолго удержать Стиглица: в течение следующих двух десятилетий охота к перемене мест привела его в Кембридж, Йель, Оксфорд, Стэнфорд и Принстон, но МТИ не ошибся в оценке его способностей. Стиглиц начал свою исследовательскую работу, принесшую ему в 1979 году медаль Джона Бейтса Кларка, которая присуждается наиболее влиятельным экономистам США в возрасте до 40 лет, и сделавшую его беспорным кандидатом на Нобелевскую премию.

В список самых влиятельных статей по экономике входят шесть работ Стиглица, и эту честь он разделяет только с двумя другими авторами, Робертом Барро (см. *Ф&Р*, сентябрь 2007 года) и Юджином Фама. Общей темой его работ является трудность обеспечения надлежащей работы рынков, когда приобретение информации дорого обходится или когда стороны сделки располагают неодинаковой информацией.

В работе, написанной в 1981 году совместно с Эндрю Вайсом, Стиглиц убедительно продемонстрировал возможность сбоя в работе кредитных рынков, когда это происходит. В классической модели кредитных рынков процентные ставки уравнивают спрос и предложение: при превышении спросом на кредит его предложения, процентные ставки растут, чтобы «отсечь» спрос со стороны некоторых заемщиков. Но что если кредиторам неизвестно, какие из заемщиков будут трудиться над своими проектами и погасят кредит и какие намерены ничего не делать и просто надеются, что погасят кредит, если им повезет? При избыточном спросе на кредит повышение процентной ставки служит отрицательным стимулом для трудолюбивых заемщиков, но не для тех, кто относится к ссуде как к азартной игре. Таким образом, вместо балансирования предложения и спроса, как в классической модели, повышение процентной ставки на самом деле приводит к изменению состава заемщиков в пользу нежелательного типа. Согласно Нейлбаффу, в работе Стиглица-Вейсса показано, что «конечный заемщик или использование это-

го кредита меняются в зависимости от взимаемой процентной ставки ... Или, как сказал бы Граучо Маркс: «Я бы не хотел давать деньги займы кому-либо из тех, кто готов брать кредит под такие проценты». Работа Стиглица-Вейсса помогла разработать более реалистичное описание кредитных рынков, показав, почему кредиторы могут заниматься рационализированием кредитных ресурсов (например, ограничить объем кредитов), а не повышать процентную ставку.

В других работах Стиглиц показал, что от таких пробелов в информации могут страдать и рынки труда. В классической модели уровень заработной платы является рычагом, который устраняет безработицу, двигаясь вверх или вниз по мере необходимости, чтобы сбалансировать спрос и предложение рабочей силы. Но, как и на кредитном рынке, на рынке труда недостает информации. Работодателям часто не хватает точной информации о том, какие из их работников будут отдавать своей работе пресловутые 110 процентов и какие склонны увильнуть. Они могли бы, конечно, следить за своими сотрудниками и установить, кто усердно работает и кто просто говорит, что это делает. Но такой контроль дорого обходится с точки зрения времени работодателя и может отрицательно сказаться на моральном состоянии работников.

Поэтому работодатели, утверждал Стиглиц, склонны использовать уровень заработной платы в качестве инструмента, чтобы отделить усердных работников от лентяев. Они могут предлагать заработную плату на уровне выше действующего рыночного в качестве стимула, чтобы стимулировать к напряженной работе тех, кто готов и способен это сделать. Более высокая, чем у конкурентов, заработная плата, означает, что хорошим работникам есть что терять в случае потери работы; так что у них есть стимул к работе. Но при заработной плате выше конкурентного уровня, ставки заработной платы уже не действуют в качестве инструмента ликвидации безработицы. В самом деле, как продемонстрировал Стиглиц в своей совместной работе с Карлом Шапиро в 1984 году, безработица необходима как «инструмент дисциплины», чтобы не позволять работникам уклоняться от работы.

Стиглиц также усомнился, насколько хорошо могут работать фондовые рынки, когда приобретение их информации обходится дорого. Классическая модель фондового рынка построена на принципе, согласно которому цены на акции точно отражают всю доступную публике информацию. Но в совместной работе 1980 года с Сэнди Гроссманом Стиглиц выдвинули парадоксальную идею. Если цены полностью и в совершенстве отражают рыночную информацию, сбором информации не стоит заниматься, поскольку ее можно получить бесплатно из цены. Но если никто не будет собирать информацию, то и цены не будут нести в себе никакой информации. «Парадокс лежит в основе аргумента, согласно которому несовершенная информация, вероятно, будет скорее правилом, чем исключением», — говорит Нейлбафф.

На протяжении своей карьеры Стиглиц написал более 600 статей (его биография занимает 60 страниц), а число его соавторов превышает 100. По словам лауреата Нобелевской премии и обозревателя *The New York Times* Пола Кругмана, Стиглиц — «невероятно талантливый экономист. Почти всякий раз углубившись в какую-либо отрасль экономических наук ... вы обнаружите, что значительная часть трудов в этой отрасли опирается на фундаментальную работу Стиглица».

Беспокойный ученый

В 1993 году Стиглиц отказался от своего удобного поста и высокого положения в научных кругах в пользу суматошного мира экономической политики. Он стал членом, а затем председателем СЭС Клинтон. Алан Блиндер, профессор Принстонского университета и коллега Стиглица

по СЭС, называет этот поступок «смелым шагом для глубоко научной суперзвезды». Стиглиц сыграл важную роль в продвижении ряда инициатив, в частности, он убедил Казначейство США, которое пошло на это не очень охотно, выпустить защищенные от инфляции государственные долговые обязательства. Но Чейт пишет в *The American Prospect*, что стиль ведения дискуссий Стиглицем, который заключался в публичном изложении его аргументов даже после его поражения во время внутренних обсуждений, привел к холодным отношениям с другими президентскими советниками, такими как Ларри Саммерс. Блиндер вежливо говорит, что «поведение Джо ... можно, пожалуй, сравнить с Дон-Кихотом».

«Стиглиц сыграл важную роль в продвижении ряда инициатив. В частности, он убедил Казначейство США, которое пошло на это не очень охотно, выпустить защищенные от инфляции государственные долговые обязательства».

Этот стиль выразился еще ярче после перехода Стиглица в 1997 году из Белого дома на пост главного экономиста Всемирного банка. Он критически отзывался об экономических рекомендациях странам с переходной экономикой о скорейшем переходе к рынкам и капитализму. Стиглиц предпочитал намного более постепенный переход, с проведением правовых и институциональных реформ, на которые должна опираться рыночная экономика, до перехода к рынку. Кеннет Рогофф, профессор Гарвардского университета и бывший главный экономист МВФ, сомневается, что подход Стиглица увенчался бы успехом. По его словам, «маловероятно, что рыночные институты можно было бы разработать в лабораторных условиях и до фактического начала неупорядоченного перехода к рынку». Рогофф добавляет, что, поскольку институты, лежавшие в основе коммунизма, рухнули, «пришлось быстро создавать некоторые новые институты», и в этой спешке были допущены неизбежные ошибки. Но «формирование институтов занимает длительное время, и тех институтов, которые существуют сегодня, при всем их несовершенстве, вполне могло бы и не быть, если бы работа по их созданию не началась» сразу после падения коммунизма.

Во время финансового кризиса 1997–1998 годов Стиглиц публично критиковал программы, совместно разработанные МВФ и правительствами некоторых стран Азии. Стиглиц утверждал, что повышение процентных ставок для защиты национальной валюты в этих странах давало обратный результат: высокие процентные ставки ослабляли доверие к экономике, поскольку росло число дефолтов по кредитам и корпоративных банкротств. Не все соглашались со Стиглицем. Покойный экономист МТИ Руди Дорнбуш защищал стратегию высоких процентных ставок как необходимую для восстановления доверия, добавив, что «ни один министр финансов не выберет Клинику нетрадиционной медицины Стиглица. Он поспешит на скорой помощи в МВФ». Брэд Делонг, известный специалист по макроэкономике в Университете Калифорнии,

Беркли, писал, что выполнение «рецепта Стиглица о предоставлении кредитов с меньшим числом условий и увеличении правительствами денежной эмиссии для удержания процентных ставок на низком уровне ... в подавляющем большинстве случаев вероятно ... завершилось бы гиперинфляцией или резким расширением масштаба финансового кризиса по мере того, как снижение валютного курса лишило бы все фирмы и банки возможности погашать их задолженность в конвертируемых [иностранных] валютах».

После ухода из Всемирного банка в 1999 году Стиглиц оказался в Колумбийском университете и написал ставшую бестселлером книгу под названием «Глобализация: тревожные тенденции». Многие рецензенты книги отмечали, что увлекательность ее сюжета объясняется выбором явного злодея — МВФ. Число ссылок на МВФ в этой книге — почти все они критические — составило 340. Том Доусон, отвечавший в то время за внешние связи МВФ, шутил: «Получается больше одной ошибки, якобы совершенной МВФ, на каждую страницу. А ведь можно было бы подумать, что хотя бы совершенно случайно несколько раз мы что-то делали правильно».

«Игра еще не закончена»

Стиглиц считает, что МВФ правильно действовал в некоторых случаях во время финансового кризиса 2007–2008 годов. «Совершенно верно, что МВФ сейчас гораздо лучше, чем был в прошлом. Он изменился во многих отношениях, и я думаю, что все должны это признать», — сказал он в интервью *The Miami Herald* в этом году. На ежегодных заседаниях МВФ и Всемирного банка в Стамбуле Стиглиц отозвался с похвалой о поддержке МВФ глобального бюджетного стимула и о позиции Фонда, согласно которой досрочное прекращение стимула будет связано с издержками. «Это изменение позиции МВФ — отход от исторически сложившейся позиции», — сказал он в интервью для *The Wall Street Journal*.

Стиглиц считает последствия финансового кризиса доказательством его научных трудов и того, что он говорил в кругах экономической политики на протяжении десятилетий. В работах, подготовленных в середине 1980-х годов с коллегой из Колумбийского университета Брюсом Гринвальдом, Стиглиц дал описание того, как изменения в финансово-кредитных условиях играют важную роль в распространении экономического цикла. Председатель Федеральной резервной системы США Бен Бернанке сказал в своей речи в июле 2007 года, что труды Стиглица и других «предоставили экономистам инструменты для рассмотрения центральной роли финансовых рынков в реальной экономике» и углубили понимание того, как «экстремальные сбои в нормальном функционировании финансовых рынков, по всей видимости, часто оказывают сильное влияние на реальную экономику», как это случилось, например, во времена Великой депрессии.

Всего лишь через месяц после этого выступления Бернанке и директивные органы во всем мире боролись с финансовым кризисом, воздействие которого на экономику грозило сравняться с последствиями Великой депрессии. Кризис породил призывы к реформам, включая ограничение оплаты банкиров и расширение регулирования рынков производных финансовых инструментов. Стиглиц считает важной реформой возвращение закона Гласса-Стигала 1933 года, который разделял коммерческие и инвестиционные банки. Он сражался против отмены этого закона в 1999 году, опасаясь, что она приведет к такому финансовому кризису, который и разразился в 2007–2008 году. «В объединившихся после отмены закона Гласса-Стигала коммерческих и инвестиционных банках верх одержала культура инвестиционных банков», — пишет Стиглиц.

Несмотря на финансовый кризис, Стиглиц не теряет оптимизма по поводу будущего рынков и капитализма. В отличие от «капитализма XIX века, когда управляли собственники, в условиях капитализма XXI века будет управлять общество», — говорит он. Но для его успеха необходимо повысить уровень экономической грамотности людей и расширить участие гражданского общества в разработке экономической политики. С этой целью Стиглиц основал в 2000 году Инициативу диалога по вопросам (экономической) политики (ИПД) — всемирную сеть экономистов, политологов и политиков, которая изучает сложные экономические вопросы и предоставляет странам альтернативные меры экономической политики. ИПД также проводит семинары, позволяющие средствам массовой информации и гражданскому обществу активно участвовать в кругах экономической политики. Доусон это приветствовал: «Дело это нелегкое: для того чтобы повлиять на экономическую политику, нужно быть звездой почти калибра Боно».

На практике для расширения своей аудитории Стиглиц снял документальный фильм под названием «Вокруг света с Джоозефом Стиглицем», посвященный тому, как можно более равномерно распределять плоды капитализма. Сможет ли он соперничать с кинорежиссером Майклом Муром? «Нет, — смеется Стиглиц, — мне кажется, Мур очень убедителен, но разочарования не приносят никакой пользы». В отличие от Мура, Стиглиц говорит, что он не утратил «оптимизма уроженца северо-западного штата» и считает, что в долгосрочной перспективе дела пойдут лучше. Многие люди, по его словам, делятся с ним своим возмущением по поводу того, что хотя финансовый кризис едва закончился, банкиры и их сторонники, по всей видимости, вновь «командуют парадом». Но без проведения подлинной реформы финансовой системы «существует разумный риск следующего кризиса через 10–15 лет с меньшей вероятностью того, что банки выиграют следующий раунд». Каждый кризис служит «стимулом к углублению демократических реформ. Игра еще не закончена». ■

Пракаш Лунгани — советник в Исследовательском департаменте МВФ.

Литература:

- Chait, Jonathan, 1999, "Shoeless Joe Stiglitz," *The American Prospect*, July 1.
DeLong, J. Bradford, 2002, "IMF Chief Economist Ken Rogoff Unloads Both Barrels in the Direction of Joe Stiglitz," *Semi-Daily Journal*, July 2.
Hirsch, Michael, 2009, "The Most Misunderstood Man in America," *Newsweek*, July 27.
Rogoff, Kenneth, 2002, "Has Russia Been on the Right Path?" *Vedomosti*, August 26.
See bibliography online at www.imf.org/fandd

МВФ Книжный магазин
Книжный магазин онлайн Международного Валютного Фонда

Посетите новый интернет-магазин МВФ на сайте
www.imfbookstore.org